

Регион: экономика и социология, 2011, № 4, с. 87–97

КОЛЛЕКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

С.А. Вангородская

Белгородский государственный университет

Аннотация

Раскрывается влияние коллективных установок на сознание и самосохранительное поведение населения России. Сделан обзор наиболее значимых научных исследований в области социальных установок, показано их влияние на формирование определенных моделей поведения. Представлена характеристика таких черт российского менталитета, как коллективизм и соборность. Рассмотрены результаты исследований, демонстрирующих деструктивное влияние коллективизма на формирование моделей самосохранительного поведения населения современной России.

Ключевые слова: продолжительность жизни, самосохранительное поведение, детерминанты поведения, социальная установка, менталитет, коллективизм, коллективные установки

Abstract

The paper shows how collective attitudes influence upon the Russian people's consciousness and self-protective behavior. We review the most valuable researches concerning social attitudes, and we show how social attitudes determine behavior models. The description of the features of the Russian mentality such as collectivism and sobornost are presented. We also consider the results obtained by other studies which demonstrate a destructive impact of collectivism on the Russian' self-protective behavior models at present.

Keywords: life interval, self-protective behavior, behavior determinants, social attitude, mentality, collectivism, collective attitudes

Актуальность изучения вопросов, связанных с формированием самосохранительного поведения населения России, обусловлена рядом обстоятельств, приобретающих в нашей стране особую значимость.

Во-первых, несмотря на общемировые тенденции роста продолжительности жизни, в России этот показатель остается достаточно низким, зачастую сопоставимым с показателями стран не только «третьего», но и «четвертого» мира [1]. Причем преждевременная смертность фиксируется не только в старших возрастных группах, но и среди населения трудоспособного возраста, что приводит к парадоксальным изменениям демографической ситуации. В результате темпы прироста российского населения приняли отрицательное значение и перестали компенсироваться регистрируемой иммиграцией, закономерным следствием чего становится нарастание темпов депопуляции населения страны.

Во-вторых, наряду с низкими показателями продолжительности жизни в целом в России крайне низкие показатели продолжительности жизни, свободной от инвалидности и хронических заболеваний [2, 3]. Это требует увеличения расходов, направленных на программы обеспечения социальной безопасности и медицинской помощи, и приводит, в свою очередь, к существенному увеличению коэффициента демографической нагрузки на общество (выражающегося отношением численности лиц нетрудоспособного возраста к численности населения трудоспособного возраста), что ложится тяжелым бременем на экономику.

В связи с этим перед российской наукой остро встает вопрос поиска форм и методов увеличения продолжительности жизни населения страны и в целом сохранения русской нации. Достижение такого результата невозможно без формирования соответствующих моделей самосохранительного поведения, под которым принято понимать систему «действий и отношений, направленных на сохранение

здоровья в течение полного жизненного цикла, на установку продления срока жизни в пределах данного цикла» [4, с. 313]. Одним из важнейших элементов в структуре самосохранительного поведения выступают социальные установки на здоровье и увеличение продолжительности жизни.

Проблема социальной установки занимает важнейшее место в исследовании любых процессов, в которых доминирующее значение принадлежит деятельности отдельной личности, социальных групп или общностей. При этом под установкой понимается «специфическое состояние, возникающее у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности» [5, с. 73]. Признавая это определение особенно адекватным, Д.Н. Узнадзе указывал на то, что «установка – это явление динамического характера, выражающееся в определенной активности и побуждающее субъекта к определенному поведению» [5, с. 73].

Взяв за основу предложенную В.А. Ядовым иерархическую схему диспозиционной регуляции социального поведения личности, Г.М. Андреева [6] выделила четыре уровня диспозиций:

- элементарные фиксированные установки, формируемые на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях в условиях семейного окружения;
- более сложные фиксированные установки, формируемые на основе потребности человека в общении, осуществляемом в малой группе;
- базовые социальные установки, фиксирующие общую направленность интересов личности относительно конкретной сферы социальной активности (работа, сфера досуга и проч.);
- система ценностных ориентаций личности, которые регулируют поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях ее социальной активности и в которых выражается отношение личности к обстоятельствам жизни, детерминированным общими социальными условиями, типом общества, а также системой его экономических, политических, идеологических принципов.

Являясь в значительной степени отражением интересов и потребностей конкретной личности, установки отдельного индивида вместе с тем несут на себе отпечаток коллективного бессознательного, т.е. коллективных установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Различия в отношении к здоровью и, как следствие, в продолжительности жизни у представителей разных стран и народностей дают все основания утверждать, что во многом именно коллективные установки, базирующиеся на системе представлений и ценностных ориентиров народа, определяют формирование соответствующих моделей поведения в различные исторические периоды и у представителей различных социально-культурных общностей.

В работах исследователей представление о коллективных установках, как правило, составляет ядро понятия «менталитет». Под менталитетом принято понимать трудно поддающуюся изменениям совокупность образов и представлений человека или социальной общности, складывающуюся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий проживания и определяющую все стороны жизнедеятельности социальной общности и составляющих ее индивидов [7].

Говоря о ментальности как о мировидении, составленном из представлений и установок, А.Я. Гуревич выделяет в ней соответствующие представления (восприятие пространства и времени, представления об отношениях мира земного с миром потусторонним, восприятие и переживание смерти, представления о сверхъестественном и естественном мирах), а также различные виды установок (на старость, на детство, на болезни, на семью, на секс, на женщину, на новое, на традицию и т.д.) [8]. Не останавливаясь на характеристике этих установок более подробно, заметим лишь, что такие представления и установки ментальности, как восприятие и переживание смерти, установки на старость, на болезнь, на традицию, а также понимание степени выделенности личности в социуме, т.е. соотношения личности и коллекти-

ва, оказывают существенное влияние на отношение к здоровью и, как следствие, на формирование соответствующих моделей самосохранительного поведения в любые исторические периоды и в рамках любых социальных общностей.

Признавая многогранность понятия «менталитет», обратимся к рассмотрению основных черт, характерных именно для российского менталитета. Они детально описаны в работах Н.А. Бердяева, М.В. Бакурского, П.С. Гуревича, В.О. Ключевского, Д.С. Лихачева, А.С. Панарина, А.В. Сергеевой, В.М. Соколова, С.М. Соловьева, П.А. Сорокина и др.

Акцент будет сделан на менталитете представителей русской нации. Предвосхищая вопрос о правомерности подобного подхода, когда речь идет о такой многонациональной стране, как Россия, оговоримся, что в данном случае мы исходим из того, что, во-первых, согласно последней переписи населения, подавляющую часть населения России (около 80%) составляют именно русские (или, по крайней мере, считающие себя таковыми), а следовательно, по международным стандартам, принятым ООН, наша страна считается мононациональной, и, во-вторых, как справедливо заметил В.М. Соколов, человек любой национальности, воспитанный в рамках российской истории и считающий русский язык своим родным языком, имеет менталитет русского человека [9]. Более того, по мнению П.А. Сорокина, «люди, которые соседствовали долгое время с Россией – мари, чуваша, удмурты – настолько прониклись русским менталитетом, что стали более русские, чем сами русские. Так что можно сказать, что и эти народы, а тем более белорусы, отчасти украинцы, и многие другие в определенной мере есть носители российского менталитета» (цит. по: [9, с. 54]).

Давая развернутую характеристику российского менталитета как совокупности рациональных и религиозных образов и представлений [7], исследователи включают в него множество различных черт. В их число входят такие: духовность, державность, миростроительство [10]; отсутствие установки на индивидуализм; стремление избегать решений на уровне личного выбора; отсутствие привязан-

ности к владению частной собственностью; отсутствие предрасположенности к уступчивости, компромиссам; отсутствие должной целеустремленности, склонности к постоянной сосредоточенной деятельности; склонность к экстремальному поведению; готовность совмещать в своем восприятии противоположное и проч. [11]. При этом, по мнению подавляющего большинства исследователей, одной из основных черт русского менталитета, обусловленной религиозными, геополитическими и климатическими особенностями России, является коллективизм, который зачастую находится в одной связке с общинностью и соборностью.

Необходимо отметить, что несмотря на синонимичность употребления понятий «коллективизм», «общинность» и «соборность» в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей, мы склонны согласиться с теми из авторов, кто предостерегает от взаимозамены этих понятий, утверждая, что они несут различную (а подчас даже противоположную) смысловую нагрузку. Учитывая этот факт, в данной статье мы оперируем термином «коллективизм» и говорим исключительно о влиянии коллективизма на формирование самосохранительного поведения.

Отдавая приоритет коллективизму как детерминанте сознания и поведения жителей России, необходимо, справедливости ради, упомянуть и о концепциях, авторы которых вообще подвергают сомнению существование такой черты российского менталитета, как коллективизм. Например, А.В. Сергеева, задаваясь вопросом о том, «так ли уж верно считать “коллективизм” свойством современных россиян», в своем исследовании «Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность» приходит к выводу, что в поведении современных русских «можно наблюдать, скорее, только внешние формы, следы прошлого подлинного коллективизма» [12, с. 158]. Более того, по мнению А.В. Сергеевой, исследователи русского менталитета делают одну общую ошибку, которая заключается в том, что подменяя понятия, за коллективизм принимают все то, что правильнее было бы обозначить термином «публичность», а именно, взаимное тяготение русских друг к другу, потребность «быть как все», отсутствие

желания выделиться из толпы и оригинальничать, постоянную оглядку на то, «что скажут люди», любовь к массовым праздникам и народным гуляниям, к компаниям, традиции гостеприимства и т.д. [12]. С А.В. Сергеевой согласен и автор исследования «Мифы о России и дух нации» А.Б. Горянин, который утверждает, что «русские хоть и участливы, но при этом до такой степени не коллективисты, что это можно рассматривать как врожденное народное свойство» [13, с. 41].

Не имея возможности в рамках данной статьи углубиться в дискуссию о природе и сущности «российского коллективизма», отметим, что считаем более близкой ту позицию, согласно которой эта черта является одной из доминирующих в структуре российского менталитета [14] и, следовательно, оказывающей особое влияние на большую часть социокультурных процессов, сопровождавших развитие Российского государства на протяжении всей его истории. Если мы обратимся к изучению основных детерминант самосохранительного поведения населения современной России, то в данном случае приходится констатировать, что здесь коллективизм как установка массового сознания выступает скорее как препятствие для формирования «здоровых» моделей самосохранительного поведения.

Признавая тот факт, что самосохранительное поведение населения России является продуктом всей истории развития нашего государства, остановимся на так называемом советском периоде, поскольку считаем его влияние на самосохранительные установки современного российского народа наиболее существенным.

Данный период российской истории был отмечен тем, что, с одной стороны, индивидуальное существование человека было подчинено интересам коллектива и общества и, как следствие, индивид сам по себе, его жизнь в целом и здоровье в частности не представляли особой ценности. С другой стороны, именно в советский период была создана особая система здравоохранения, сформировавшая у населения страны ощущение внешнего контроля за здоровьем, что совершенно не предполагало личной ответственности самого индивида. К этому необходимо добавить, что доступность и дешевизна лекар-

ственных средств создали у населения иллюзию быстрого и необременительного с экономической точки зрения избавления от любых заболеваний, а следовательно, нивелировали индивидуальные усилия по их профилактике. Все это привело к тому, что для подавляющей части населения страны понятие «здоровье» стало означать наличие или отсутствие заболеваний, для устранения которых создана бесплатная и эффективная система здравоохранения, а не состояние организма, которое достигается в результате ежедневных индивидуальных усилий.

Привычка перекладывать заботу о своем здоровье на плечи государства привела к тому, что несмотря на значительный период времени, прошедший с момента распада СССР и разрушения системы бесплатной медицины, большая часть населения страны все еще продолжает во всех своих болезнях винить государство, которое перестало заботиться о здоровье граждан. Так, согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле 2009 г., 34% россиян видят причину плохого состояния здоровья жителей современной России в низком уровне жизни, 29% – в плохой экологической обстановке, 21% россиян считают, что за плохое здоровье населения ответственны медицинские работники вследствие низкого уровня квалификации и невнимательности, а 15% склонны винить государство [15].

Еще более показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в марте–апреле 2009 г., согласно которым основными причинами болезней, по мнению россиян, являются «беспокойство и тревоги» (33%), «плохая окружающая среда» (30%), а также возраст, старение (23%). Далее следуют нехватка средств на своевременное лечение (22%), отсутствие времени на лечение, загруженность работой (20%), наследственность (16%) и плохое питание (11%). Кроме того, в своем плохом самочувствии россияне склонны винить неблагоприятный климат (17%), а также многолетнее отсутствие возможности отдыхать и восстанавливать здоровье (12%). Лишь в самом конце списка находятся такие общепризнанные причины плохого здоровья, как отсутствие занятий физкультурой, курение и чрезмерное употребление алкоголя (9; 5 и 3% соответственно) [16].

И если с первым ответом еще можно согласиться (по единодушному утверждению экспертов, стресс, вызванный социально-экономическими и политическими катаклизмами конца XX в. в России, спровоцировал усиленный рост ряда заболеваний у различных категорий населения), то остальные являются прямым доказательством желания большей части населения страны переложить ответственность за сохранение и укрепление собственного здоровья на государство и иные «внешние» структуры.

При этом особые опасения, на наш взгляд, вызывает даже не столько то, что большая часть жителей России склонны преувеличивать влияние государства на состояние здоровья отдельного индивида, сколько то, что за приведенными выше цифрами скрывается тотальное неверие россиян в свои собственные силы и возможности, а это, безусловно, пагубно сказывается не только на формировании соответствующих моделей самосохранительного поведения и, как следствие, на состоянии здоровья населения, но и на качестве жизни в целом. В исследовании, проведенном Аналитическим центром Ю. Левады в апреле 2010 г., были получены такие результаты: отвечая на вопрос «Можете ли вы своими собственными усилиями изменить обстоятельства своей жизни к лучшему?», 41% опрошенных в совокупности выбрали варианты ответов «скорее нет, чем да» и «нет», а в качестве основных причин этого респонденты чаще всего называли «преклонный возраст / состояние здоровья» (этот вариант ответа выбрали 40% опрошенных), «отсутствие поддержки / заботы со стороны государства» (25%) и общую обстановку в стране. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, большая часть жителей России прилагают минимальные усилия для поддержания и укрепления собственного здоровья, а с другой стороны, именно состояние здоровья, по их мнению, оказывается главным препятствием для изменения обстоятельств своей жизни собственными усилиями.

В свете вышесказанного и с учетом деструктивного влияния коллективизма на формирование моделей поведения населения России достаточно оптимистично выглядят результаты ряда исследований,

согласно которым в условиях современного трансформирующегося общества коллективизм как черта российского менталитета наряду со всеми остальными его чертами претерпел некоторые изменения: фокус внимания отдельной личности сместился с коллективных интересов и потребностей на индивидуальные [10, 11]. Так, согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в мае 2006 г. и направленного на выявление мнений россиян по поводу взаимоотношений церкви и общества, менее половины респондентов высказали согласие с необходимостью для России особого пути, основанного на идеалах жертвенности, служения общему благу и приоритету общенациональных норм и традиций. Напротив, около 60% опрошенных полагают, что именно концепция прав и свобод личности должна лежать в основе организации жизни российских общества и государства [17].

И хотя мы склонны согласиться с теми исследователями, кто утверждает, что изменение менталитета – это процесс не только очень сложный, но и существенно растянутый во времени [18], тем не менее, учитывая динамичный характер преобразований в современной России, можно предположить, что это не может не способствовать стремительным изменениям в общественном сознании и, как следствие, изменению менталитета россиян. В этих условиях остается надеяться на то, что происходящие в современном российском обществе преобразования будут содействовать также трансформации моделей самосохранительного поведения, в основе которых будут лежать индивидуальные усилия отдельного человека по сохранению и укреплению своего здоровья, поддерживаемые развитой системой здравоохранения и поощряемые формируемым в общественном сознании образом крепкого здоровья человека как синонима его ответственности по отношению к своей семье, обществу и государству.

Литература

1. **Реальное** богатство народов: Доклад ООН о развитии человека 2010 года. – URL: <http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/> (дата обращения 15.06.2011).

2. **Иванова А.Е.** Продолжительность жизни, свободной от инвалидности, в России и за рубежом: проблемы сравнительного анализа // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 80–89.
3. **Андреев Е., Школьников В.** Продолжительность здоровой жизни // Вопросы статистики. – 2002. – № 11. – С. 16–21.
4. **Антонов А.И.** Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. – М.: ИД «Nota Bene», 1998. – 360 с.
5. **Узнадзе Д.Н.** Общая психология / Под ред. И.В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
6. **Андреева Г.М.** Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 384 с.
7. **Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.** Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. – С. 16–27.
8. **Гуревич А.Я.** Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 75–89.
9. **Соколов В.М.** Российская ментальность и исторические пути Отечества: записки социолога. – М.: РАГС, 2007. – 248 с.
10. **Бакурский М.В.** Российский менталитет и его роль в отечественных модернизационных процессах: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2002. – 143 с.
11. **Цалитис И.** Учет российского менталитета в современной коммуникационной практике публик рилейшнз. – URL: <http://www.relga.ru/> (дата обращения 11.06.2011).
12. **Сергеева А.В.** Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – Изд. 4-е, испр. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 320 с.
13. **Горянин А.** Мифы о России и дух нации. – М.: Pentagraphic, Ltd, 2001. – 336 с.
14. **Захаров Н.Л.** Специфика социальной системы России. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2000. – 218 с.
15. **Наше здоровье – в наших руках:** Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1196 от 9 апреля 2009 г. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11701> (дата обращения 20.06.2011).
16. **Национальный диагноз – 2009:** Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1346 от 22 октября 2009 г. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12642> (дата обращения 25.06.2011).
17. **Бызов Л.** Ценности: народность и православие // Ведомости. – 2006. – 3 мая.
18. **Гуревич А.Я.** К читателю // Одиссей. Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. – М., 1989. – С. 8–9.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 02.09.2011 г.

© Вангородская С.А., 2011